

0. 777342

На правах рукописи

Ахпашева Наталья Марковна

**ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
ХАКАССКИХ СКАЗАНИЙ
О БОГАТЫРЯХ**

(опыт прескриптивного анализа художественного перевода)

10.01.08. – Теория литературы. Текстология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва - 2009

Работа выполнена на кафедре теории и критики литературы
Литературного института им. А. М. Горького.

Научный руководитель –

доктор филологических наук, профессор Гусев Владимир Иванович.

Официальные оппоненты:

– доктор филологических наук, профессор Карамашева Виктория Алексеевна;

– кандидат филологических наук, доцент Бобров Александр Александрович.

Ведущая организация – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

Защита состоится 8 апреля 2009 г. в 15^(к) часов на заседании диссертационного совета при Литературном институте им. А. М. Горького по адресу: 123104, г. Москва, Тверской бул., д. 25.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Литературного института им. А. М. Горького.

Автореферат разослан 4 марта 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000547550

Ученый секретарь
диссертационного совета

Стояновский М. Ю.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена переводческой традиции алыпных-ныха (жанр богатырских сказаний в хакасском фольклоре). Ее основной текущий итог и текстологический материал исследования приближается суммарным объемом к 30 тысячам стихотворных строк и включает 10 переводных произведений: «Албынжи»¹ (переводчик Иван Кычаков), «Сказание о храбром Айдолае»² (переводчик Ирина Волобуева), «Алтын Арыг»³ (переводчик Владимир Семенов), «Алып Пиль Таран»⁴ (переводчик Яков Козловский), «Алтын Чус»⁵ (переводчик Владимир Солоухин), «Богатырь Пиг Таран»⁶ и «Алып Хан Мирген»⁷ (переводчик Геннадий Сысолятин), «Сарыг-Чанывар»⁸ и «Алып-Соян»⁹ (переводчик Анатолий Преловский), «Хан-Тонис»¹⁰ (переводчик Наталья Ахпашева).

¹ Албынжи: хакасское героическое сказание. – Новосибирск: Новосибирское обл. гос. изд-во, 1951; То же // Героический эпос народов СССР: в 2 т. – М.: «Художественная литература», 1975. – Т. 2. – С. 461–533; То же. – Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1984; То же // Литература Хакасии: учебн. хрестоматия для V–IX кл. для русских школ. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1992. – С. 133–176.

² Сказание о храбром Айдолае // Антология хакасской поэзии. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1961. – С. 37–51; То же. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1962.

³ Алтын Арыг // Антология хакасской поэзии. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1961. – С. 5–36; То же // Алтын Арыг: богатырские сказания. – Абакан: Хакасское отд. Красноярск. кн. изд-ва, 1987.

⁴ Алып Пиль Таран // Ожившие камни: стихотворения и поэмы перевод с хакасского / М. Е. Кильчищачков. – М.: Современник, 1983. – С. 63–106.

⁵ Алтын Чус // Алтын Арыг: богатырские сказания. – Абакан: Хакасское отд. Красноярск. кн. изд-ва, 1987. – С. 133–229.

⁶ Богатырь Пиг Таран: героическая поэма по мотивам хакасских сказаний / М. Е. Кильчищачков // Литературный Абакан: Стихи, проза. – Красноярск: Кн. изд-во, 1989. – С. 4–24; То же // Дороже золота и серебра: устная поэзия хакасов, шорцев и тофаларов / пер. и лит. обработка Г. Ф. Сысолятина. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1994. – С. 92–139; То же // Снежная Родина: избранное, поэмы и переводы / Г. Ф. Сысолятин. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2000. – С. 294–326.

⁷ Алып Хан Мирген // Снежная Родина: избранное, поэмы и переводы / Г. Ф. Сысолятин. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2000. – С. 33–383.

⁸ Сарыг-Чанывар: хакасское сказание // Сибирские сказания / пер. и переложения А. Преловского. – М.: Современник, 1991. – С. 40–124.

⁹ Алып Соян: богатырское сказание // Родник из-под камня: хакасская народная поэзия XIX века / переводы и переложения А. Преловского. – М.: Независимое литературное агентство «Московский Парнас», 1999. – С. 74–81; То же // Фольклор саянских тюрков XIX века: из собрания доктора языковедения Н. Ф. Катанова. в 2 т. / сост., пер., стихотворные переложения, лит. обработка А. Преловского. – М.: Новый ключ, 2003. – Т. 1. – С. 313–321.

¹⁰ Хан-Тонис на темно-сиром коне: богатырское сказание (перевод Н. Ахпашевой) / М. Р. Баинов. – Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 2007; Фрагменты из сказания «Хан Тонис» / М. Р. Баинов // Улуг-Хем. – Кызыл, 1996. – № 2. – С. 111–117; То же // Дорога – вечная тревога: стихи и поэмы: пер. с хакасского / М. Р. Баинов. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2000. – С. 115–124; То же // Сибирские огни. – Новосибирск, 2002. – № 2. – С. 171–176; То же // Хакасия. – Абакан, 2005. – № 21 (20378). – 5 февр.; Сотворение мира: из алыпных-ныха «Хан-Тонис» [Текст] / М. Баинов, пер. с хакасского Н. Ахпашевой // Современная литература народов России. – М.: Пик, 2003. – Т. 1. – Кн. I. Поэзия. – С. 115–124.

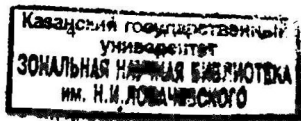
Исследователь находит, что по отношению к истории и развитию межкультурных взаимосвязей на территории Сибири целесообразно проследить генезис этой переводческой традиции, дать оценку ее общему результату, сопоставить индивидуальные достижения и предложить некоторые рекомендации последующим поколениям переводчиков. В плане социальной актуальности цели исследования обусловлены этнодемографической и этнолингвистической ситуацией в Хакасии. Хакасский язык относится к миноритарным, то есть функционально ограниченным и не распространенным вне этнического носителя¹¹. Вместе с тем свободное владение русским языком – тотальное явление среди хакасов. Межнациональные контакты на русском языке есть фактический норматив повседневной жизни в республике. В этой связи оправданы самые жесткие критерии не только качества художественного перевода, но и объективности его оценки. Речь идет об аналитических принципах, которые, как того требуют прикладные задачи переводоведения, «исключали бы или сводили бы до минимума субъективный произвол переводчика и субъективность суждений критика и ссылки на “интуицию” как на оправдание этого произвола»¹². Однако с принятием этого должностования достижению поставленных исследователем целей препятствует методологическая проблема.

Сегодня признано, что абсолютное тождество между переводом и оригиналом недостижимо, поскольку грамматическая структура и система выражаемых понятий в каждом языке имеет свои особенности. Однако изучение накопленного опыта межкультурной коммуникации позволяет выявить в соотношении этих особенностей определенные закономерности, знание которых, в свою очередь, помогает последующей переводческой работе. Поэтому в переводоведении ведущая роль принадлежит лингвистической теории перевода, характеризуемой в целом как дескриптивная, описательная наука. А следом отмечается, что «на основе описания лингвистического механизма перевода оказывается возможным сформулировать некоторые нормативные (прескриптивные) рекомендации, принципы и правила, методы и приемы перевода, следуя которым, переводчик может более успешно решать стоящие перед ним задачи»¹³. Но данная возможность ограничена областью информационно-практического использования языка. Типологическое обособление художественной литературы проводится, поскольку «основной функцией этих текстов является не информация, объединяющая все функционально-стиле-

¹¹ Боргоякова, Т. Г. Миноритарные языки: проблемы сохранения и развития. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2001.

¹² Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – С. 22.

¹³ Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – С. 36.

вые разновидности текстов литературного языка, а эстетическое воздействие на читателей (или слушателей)»¹⁴. Следовательно, на критическое суждение о художественном переводе, опирающееся на сопоставление с оригиналом, влияет не только индивидуальный уровень билингвизма, но и личные эстетические вкусы самого субъекта сопоставления.

В реферируемой работе художественный перевод рассматривается как явление вербального искусства, прежде всего, принимающей культуры. При этом учитывается способность принимающей культуры формировать в рамках истории соответствующей иноязычной литературы заочное, сугубо теоретическое представление об оригинале. Исследователь допускает, что историческая динамика научной трактовки иноязычного произведения или, в общем случае, группового исторического явления определенной национальной литературы одинаково отражается на дифференциации ряда соответствующих переводов – как по специфике функционирования, так и по стилистическим особенностям. Обнаружение подобного совпадения дает критику художественного перевода возможность исходить в текстологических выводах из литературоведческой интерпретации оригинала как независимого стороннего суждения и подтверждать эти выводы корреляцией к фактам внеязыковой действительности: сначала из истории науки о литературе, а затем социологии, по выражению М. Л. Гаспарова, «литературного потребления».

Теоретическую базу данной гипотезы и методологическую – непосредственно исследования составили: концепция М. М. Бахтина об активно-ответной роли реципиента в речетворчестве; учение Л. С. Выготского о неосознаваемой природе и социальном характере эстетической реакции; релятивистские взгляды на типологию вербального искусства, высказанные, в частности, Ю. Н. Тыняновым и Г. Н. Поспеловым, согласно которым под жанром понимается сопоставительная и зависимая от исторических пределов сопоставляемых объектов классификационная категория; данное Л. В. Чернец представление о функционировании литературного произведения как об отражении обращенного на него и изменяющегося в историческом времени общественного внимания; сформулированный Д. С. Лихачевым принцип историзма в изучении единства содержания и формы литературного произведения; реализуемый в работах В. С. Баявского принцип статистического подхода к анализу художественного текста; идея М. Л. Гаспарова о включении переводной литературы в объектное поле истории родной литературы. В переводоведческом аспекте выбор концептуальной и операционной структуры исследования опирается на понятие фонового знания, способного, как замечал А. В. Федоров, накапливаться в историческом времени. В свою очередь,

¹⁴ Салодуб, Ю. П., Кузнецов, А. Ю. Теория и практика художественного перевода. – М.: Академия, 2005. – С. 19.

современные переводоведы, в частности Ю. П. Салодуб, требуют от субъекта художественного перевода как можно более полного объема фонового знания. Кроме того, и А. В. Федоров, и И. А. Кашкин, а сегодня В. Н. Комиссаров, замечают, что переводы и оригинальная литература принимающей культуры составляют единую художественную систему.

По отношению к художественным переводам алыптых-нымаха единственным научным источником фонового знания об оригинале является хакасская фольклористика, то есть один из подразделов науки, занимающейся описанием и классификацией фольклора на примере устного вербального искусства, прежде всего, российских этносов. В этой связи основной **историографический материал** исследования составляют труды ведущих специалистов по устному народному творчеству хакасов (В. Е. Майногашевой, М. А. Унгвицкой, П. А. Троякова) и суждения авторитетных российских теоретиков фольклора (А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, В. М. Жирмунского и др.).

Предмет исследования: отношение переводческой традиции хакаских богатырских сказаний к исторической динамике присутствующего в русскоязычном культурном пространстве заочного представления об алыптых-нымахе. **Задача:** рассмотреть переводческую традицию алыптых-нымаха в контексте развития и признания соответствующих выводов хакаской фольклористики и проверить, тем самым, гипотезу, положенную в методологическую основу исследования.

Положения, выносимые на защиту: 1) в пределах жанрового сходства исследуемых переводов их стилистические особенности соответствуют тому, как хакасская фольклористика соотносит алыптых-нымах и ближайший к нему жанр русского фольклора; 2) наиболее функциональные из исследуемых переводов характеризуются сниженной частотностью стилистических особенностей, противоречащих фольклористической интерпретации алыптых-нымаха; 3) переводы со сниженной частотностью стилистических особенностей, противоречащих фольклористической интерпретации алыптых-нымаха, осуществлялись в более благоприятных – в контексте современного фольклористического знания об алыптых-нымахе – обстоятельствах.

Научная новизна работы: в области истории художественного перевода – во впервые проводимом исследовании переводческой традиции хакаских богатырских сказаний; по отношению к теории перевода – в опыте нетрадиционного дисциплинарного подхода к анализу художественного перевода. **Теоретическое значение** – в обосновании методологического потенциала литературоведения при исследовании художественного перевода. **Практическое** – в апробировании метода, обеспечивающего прескриптивный анализ художественного перевода. **Прикладная значимость** утверждается в связи с применимостью полученных текстологических выводов в практике художественного перевода алыптых-нымаха.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура исследования: введение, четыре главы, заключение, библиография и приложения. Во **введении:** называется объект и тема исследования; обозначается комплекс целей, обеспечивающий социальную и научную актуальность темы; раскрывается методологическая проблема, связанная с традиционным по отношению к телеологии исследования дисциплинарным подходом; излагается гипотеза, обусловившая дисциплинарную специфику применяемой методологии; перечисляются выносимые на защиту положения; указывается научная и практическая ценность работы.

Первую главу «О возможности прескриптивного анализа художественного перевода» занимает обоснование теоретико-методологической базы. Согласно известным теориям, взаимовлияние между литературным творчеством, наукой о литературе и общественной реакцией на литературное произведение отражается на функционировании литературы, что характеризуется статистическими показателями (тираж издания, количество переизданий и так далее) и прагматикой читательского обращения к художественной книге. На высших уровнях своего функционирования произведение – это исследовательский объект, а затем предмет образовательной дисциплины литературоведения. Вместе с тем развитие литературоведения в своей практической основе обеспечивается существующей для каждого читателя возможностью индивидуальной – а в этой связи не всегда и не во всем согласующейся с устоявшимся мнением – трактовки произведения. Между тем читатель переводного произведения, в массе не владея исходным языком, не способен самостоятельно судить об интерпретации явлений соответствующей иноязычной литературы и принимает сведения об оригинале априори. В свою очередь, эмоционально-эстетическое впечатление от переводного произведения обособляется читателем на фоне именно родной литературы. Тогда описание оригинала, сопоставляя его с ближайшим – в типологии мирового вербального искусства – классификационным разрядом принимающей литературы, способно в качестве внешнего фактора влиять на оценку художественного перевода. Если же научный взгляд принимающей культуры на оригинал изменится, то изменится и критерий переводческого труда.

Во **второй главе** «Когнитивно-исторические обстоятельства переводческой традиции алыптых-нымаха» отражено, каким образом коррелируют когнитивные, то есть связанными с процессом познания (в данном случае – обретения фонового знания) обстоятельства осуществления и особенности функционирования каждого из рассматриваемых художественных переводов. Формирование заочного представления об алыптых-нымахе отслеживается с момента его научного открытия в середине XVIII века. В начальный период изучение алыптых-нымаха осложнялось бесписьменным состоянием хакасского языка. В рамках фольклористики

эта проблема была закрыта к концу XIX века В. В. Радловым и Н. Ф. Катановым. Советский период, в связи с распространением хакасской письменности, был особенно плодотворен в плане записи отдельных сказаний. Но теоретическое обоснование алыпных-ныхмах в классификационных категориях мирового фольклора состоялось только в 1972 году – в монографии М. А. Унгицкой и В. Е. Майногашевой «Хакасское народное поэтическое творчество»¹⁵. На текущий момент фольклористическую интерпретацию алыпных-ныхмах завершают научные переводы, подготовленные В. Е. Майногашевой и включенные в академические издания «Алтын Арыг»¹⁶ (1988 г.) и «Ай-Хучин»¹⁷ (1997 г.).

С момента научного открытия алыпных-ныхмах чаще всего терминологически определялся подобно былине: героическое или богатырское сказание. Монография М. А. Унгицкой и В. Е. Майногашевой относит алыпных-ныхмах к категории национального героического эпоса, исходя из специфики функционирования, идейного содержания и стилистических особенностей жанра в сопоставлении с былиной. Но хакасские фольклористы признали, что в сравнении с русским эпосом алыпных-ныхмах есть более древнее образование. Согласно классификации В. Я. Проппа, хакасское сказание принадлежит типу догосударственного эпоса, в идеологическом плане безотносительного к идее государственности. Одна из наиболее авторитетных концепций теории фольклора, поддерживаемая в частности В. М. Жирмунским, ограничивала идеологию догосударственных эпосов уровнем индивидуальных прагматических выгод, не отвечающих понятию героизма. Таким образом, хакасские фольклористы, утверждая одновременно и относительную древность, и героическую специфику алыпных-ныхмах, противоречили широко распространенному в советской фольклористике суждению. Данное противоречие не было снято, но первое же академическое издание, а затем и второе, рекомендует алыпных-ныхмах – и подзаголовком, и справочным сопровождением – безоговорочно как героический эпос. Поскольку после выхода монографии М. А. Унгицкой и В. Е. Майногашевой возникает возможность обоснованного отнесения алыпных-ныхмах к догосударственному эпосу, героическая специфика которого оспаривалась с теоретических позиций, формирование заочного представления о хакасских богатырских сказаниях не происходило строго поступательно. Особенно неблагоприятным был период с начала 70-х и до начала 90-х годов XX века.

¹⁵ Унгицкая, М. А., Майногашева, В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан: Хакасское отд. Красноярского кн. изд-ва, 1972.

¹⁶ Алтын-Арыг: хакасский героический эпос. – М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1988.

¹⁷ Ай-Хуучин: хакасский героический эпос. – Новосибирск: Наука; Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997.

Однако классификационные проблемы фольклористики не оказали влияния на популярность сказаний о богатырях-алыпах в самом хакасском народе. Активность традиционного бытования алыпных-ныхаха ограничена началом 70-х годов XX века. Но за три десятилетия до этого – с 1941 года – алыпных-ныхаха начинает функционировать уже в «книжном» виде. Его вхождение в библиотечный фонд национальной культуры состоялось одновременно с распространением хакасской письменности и становлением авторской литературы. Сегодня количество литературно-художественных изданий алыпных-ныхаха достигает двух десятков. То есть, как предмет чтения национальный эпос среди хакасов востребован, хотя ему приходится конкурировать с произведениями не только хакасской, но и русской, а в русскоязычных переводах – мировой литературы. Значит, в целом позитивное заочное представление об алыпных-ныхахе способно формироваться, помимо научных источников, за счет устных контактов с представителями непосредственной аудитории оригинала. Тогда когнитивные обстоятельства каждой переводческой интерпретации алыпных-ныхаха необходимо просматривать не только в историческом, но еще и в этногеографическом аспекте.

С учетом исторической и этногеографической ограниченности когнитивных факторов, влияющих на заочное представление об алыпных-ныхахе, были сопоставлены условия, в которых осуществлялся каждый из исследуемых переводов. Исходя из библиографических данных переводов и биографических сведений о переводчиках, неблагоприятными в этногеографическом плане признаны обстоятельства следующих переводов: «Сказание о храбре Айдоласе» (переводчик И. Волобуева, год первого издания 1961), «Алтын Арыг» (переводчик В. Семенов, 1961), «Алып Пиль Тааран» (переводчик Я. Козловский, 1983), «Алтын Чус» (переводчик В. Солухин, 1987). Судя по году выпуска, эти переводы выполнялись в одинаковых или худших обстоятельствах исторического плана, чем «Албынжи» (переводчик И. Кычаков, 1951). Отсюда обстоятельства «Албынжи» признаны в целом – этнографическом и, вместе, историческом аспектах – более благоприятными. В переломный для заочного представления об алыпных-ныхахе момент, то есть после академических изданий, вышли в свет: «Богатырь Пиг Тараан» (переводчик Г. Сысолятин, 1989), «Сарыг-Чанывар» (переводчик А. Преловский, 1991), «Алып Соаян» (переводчик А. Преловский, 1999) и «Алып Хан Мирген» (переводчик Г. Сысолятин, 2000). По отношению к ним в лучших обстоятельствах исторического плана осуществлялся перевод «Хан-Тонис» (переводчик Н. Ахпашева, 2007). Таким образом, в самых благоприятных в целом когнитивных обстоятельствах осуществлялся первый и последний – на сегодня – переводы алыпных-ныхаха, и они же являются наиболее функциональными. По количеству и типу изданий лидирует опубликованный четыре раза «Албынжи». В том числе в двухтомнике

«Героический эпос народов СССР» (Москва, 1975). Его последняя публикация особенно знаменательна – в школьной хрестоматии «Литература Хакасии» (Абакан, 1992). Следом, несмотря на значительно меньший период функционирования, выделяется «Хан-Тонис». До момента обнаружения полного текста в 2007 году его отдельные фрагменты получили пять публикаций в сборниках и периодических изданиях (Абакан, Кызыл, Новосибирск, Москва). В полном объеме перевод вышел в серии «Сказы народов Сибири» Новосибирского книжного издательства. Книга выпущена в так называемом «подарочном» виде в связи с историческим юбилеем Хакасии (300 лет с момента вхождения в состав Российского государства).

Несмотря на обнаруженные различия функционирования, общий текстовый объем (около 30 тысяч строк) и общее количество изданий (более 20) позволяют рассматривать переводы алыпных-ныхах в совокупности как самостоятельный жанр переводной литературы, модель которого описывается в **третьей главе** «Отражение жанра алыпных-ныхах в общих особенностях переводческих интерпретаций». В плане особенностей хронотопа для переводного алыпных-ныхах свойственно вести повествование от момента возникновения художественного мира, применяя синтаксически параллельное клише о самозарождении *солнца – из золота, луны – из серебра, земли – из меди*. Тем самым события, составляющие сюжет, дистанцируются к периоду физической юности мира, что исключает параллели к известным данным о развитии человечества и, в комплексе, образования Земли. То есть, в отличие от пространства-времени былины, проецирующегося на исторический момент и политическую карту Киевской Руси, художественный мир переводного алыпных-ныхах невозможно соотнести с каким-либо определенным моментом реальной истории, что и характерно для догосударственного эпоса. С реальным пространством мир переводного алыпных-ныхах совпадает – но в одиночной ментальной точке, обусловленной напоминающими Южную Сибирь описаниями природы (*покрытые лесом горы-ташхылы, реки, степи и так далее*). Не дифференцируется он и по этнополитическому принципу (на весь текстовый объем переводного алыпных-ныхах приходится только три случая этнонимов). Единственное, что условно координирует данную ирреальность, это абстрактное противопоставление *родное/чужое*, эмоционально насыщенное в связи с пространственным истоком развития сюжета. Каждый раз это возвышающийся на берегу моря или реки *белый ташхыл/гора*. Землю, его окружающую, исследуемые сказания называют *родной*, а живущий здесь народ – *родным*. Пространство за пределами *родной* земли есть *чужая* земля, а живущие у других ташхылов люди – *чужой* народ.

«Догосударственная» специфика исследуемых текстов поддерживает-ся также на уровне отношений главных действующих лиц к основному

собирательному персонажу – *родному* народу. Этот *родной* народ (равно и *чужие*) ведет натуральное скотоводческое хозяйство и возглавляется ханами-богатырями. По сути, каждый текст есть хроника правящей у белого тасхыла династии. Ханство обычно переходит от отца к сыну. Но когда правящую семью составляют дочь и сын умершего хана, то никто из них не обособляется как единоличный правитель («Сказание о храбром Айдолае»). В одном случае главенствующее положение занимает старшая сестра, которая, впрочем, выйдя замуж, оставляет наследное владение младшим братьям («Сарыг-Чанывар»). Рассматриваемые тексты не предусматривают возможность принуждения народа со стороны потомственных правителей и предполагают должным заботу о слабых членах общества (*сироту воспитать богатырем, пешему дать коня*). То есть в целом демонстрируется смягченный вариант, следовательно – ранняя стадия патриархального права и социального расслоения.

В ирреальности переводного алыпных-ныхах высокое социальное положение ханов-богатырей оправдано их уникальными, совершенно невероятными в реальности практическими способностями. Во-первых, хан-богатырь ездит на особенном – богатырском – коне. Этот богатырский конь *путь, на который требуется месяц, пробегает за один день, путь, на который требуется год, – за семь дней*. Во-вторых, ханы-богатыри способны вести сверхдлинные – на протяжении нескольких лет -- поединки: *«Шесть лет уже сражаются алып, / Но ни один не может одолеть»* («Богатырь Пиг Тараан»). Ханы *родной* земли и противодействующие им на поле брани или в соперничестве за невесту ханы *чужой* земли обладают волшебными свойствами. Случаи превращения в животных (кукушек, лебедей, соколов, змей, волков, лис) представлены почти во всех сказаниях (исключение – «Алып-Соян»). Иногда в систему персонажей включаются субъекты, противоречащие биологическому понятию человека: своей внешностью – как семиглавый старик Чилбиген («Сказание о храбром Айдолае», «Сарыг-Чанывар»); происхождением – как сама собой родившаяся в белой скале дева-богатырка Алтын-Арыг («Алтын Арыг»). Очевидно, что в данном плане переводной алыпных-ныхах прямо соотносим с догосударственным эпосом, мир которого считается насыщенным фантастикой и волшебством.

Кроме того, в переводном алыпных-ныхах распространен такой древнейший элемент героического эпоса, как поиски жены. Но женитьба хана-богатыря есть не столько личная потребность, сколько общественный долг. Главная ханская функция – защита владения от *чужих* ханов. Если старый хан вынужден в одиночестве противостоять врагам, то заранее обречен на поражение, что чревато для народа неизбежным угоном (вместе со скотом) в *чужую* землю. Возвращение народа на родную землю происходит в результате ответной военной экспедиции ханского сына в *чужую* землю. С позиции народа, хан женится, чтобы, родив наследни-

ка, обеспечить защиту народа на будущее. Но, заботясь о *родном* народе, его хан, тем самым, отстаивает свое социальное и имущественное положение. Напротив, идеальный герой былины *мужик-деревенщина* Илья Муромец, выезжая *постоять за Киев-град, за церкви за соборные*, не ждет и не может – в связи с известным отношением князя Владимира – ждать для себя каких-либо выгод. При условии абсолютной бескорыстности богатырского деяния бесспорно положительными – по отношению к *родному* народу – являются те из главных героев переводного алыпных-ныхаха, кто, содействуя хану родной земли, не состоит с ним в родстве и не может в рамках патриархального права претендовать на власть над *родным* народом: отличающийся благородством *чужой* хан-богатырь («Алтын Чус») и волшебные девы-богатырки («Алтын Арыг», «Сарыг-Чанывар»). Но если благополучие *родного* народа несет неизбежную – по факту рождения – выгоду для хана *родной* земли, то благополучие *чужих* народов не содержит для него никакой прагматики. Более того, в одном случае второстепенного персонажа хан *родной* земли сам отправляется в *чужие* земли, надеясь приумножить свое достояние – «скот и народ» («Алтын Арыг»). Вместе с тем, будучи главными героями, ханы-богатыри никогда не участвуют в захватнических набегах, а избавив *родной* народ от власти *чужого* хана, неизменно разрешают всем другим захваченным этим ханом народам: «*Разъезжайтесь по водам и землям своим, / Ведите свой скот к улусам родным!*» («Албынжи»). Идеальный хан-богатырь никогда не позволяет себе насилия над родным народом поверженного захватчика: «*Ну, а народ твой пусть как и раньше живет. / Там же, где пасся, пасется бесчисленный скот*» («Хан-Тонис»). Идеальный хан-богатырь не удерживает в своих владениях и когда-то захваченный его отцом *чужой* народ: «*Возвращайтесь в край, откуда / Со скотом пригнали вас!*» («Сказание о храбром Айдолае»). Таким образом, переводной алыпных-ныхах, благодаря исторической безотносительности и этнополитической неопределенности своего художественного мира, возводит в абсолют идею родины (*каждый народ вправе жить на своей родной земле*), которую исторически локализованный эпос декларирует в отношении лишь определенных этнотерриториальных образований.

Далее рассматривалось стилистическое сходство переводческих интерпретаций алыпных-ныхаха. В первую очередь, отмечается использование синтаксически параллельных клише. Помимо уже приведенных примеров («самозарождение мира», «быстрота богатырского коня»), наиболее часто встречается описание женских персонажей (*с одной стороны у девушки пятьдесят косичек, с другой – шестьдесят*) и представление о наименьшем отрезке времени (*не успел богатырь открытых глаз закрыть, не успел богатырь закрытых глаз открыть*). Общая распространенность синтаксического параллелизма обеспечивает явления ассонанса, тавтологической и фonomорфологической рифмы даже в тех текстах,

где зарифмованные строки есть не закономерность, а исключение. Например: *«Стала данницею их / Солнца красного страна, / Стала данницею их / Солнца желтого страна»* («Алып Пиль Тараан»); *«Подруги пятьдесят ее косичек / На две косы тотчас переплели. / Подруги шестьдесят ее косичек / В одну косу тугую заплели»* («Богатырь Пиг Тараан»). К явлению постоянного эпитета исследователь относит встречающиеся в разных переводах сочетания: *белый тасхыл, белые юрты, золотая коновязь, ковыльная степь, крепкая арака*. Нередки хронологические повторения. Например: дважды проверяет закинутую в реку вершу Чарых-Кеек; трижды, чтобы поймать коня, бросает аркан Айдолай; трижды разным собеседникам пересказывает песню волшебной кукушки Алтын Чус; пять раз по ходу повествования призывает на себя *отцовский гнев* и *материнское проклятие* Пиг Тараан. Таким образом переводной алыпныхмах характеризуется в аспекте формы комплексом признаков, свойственным героическому эпосу вообще и былине в частности.

В четвертой главе «Особенности переводческих интерпретаций алыпныхмах, противоречащие жанру оригинала» исследуемые тексты сопоставляются по активности лексико-стилистических явлений: во-первых, затрудняющих выражение/восприятие героического пафоса, присущего алыпныхмаху согласно положениям хакасской фольклористики; во-вторых, искажающих национально-историческую специфику жанра хакасских сказаний. К первой группе исследователь отнес стилистически сниженную, экспрессивную лексику, то есть слова, помеченные словарем как разговорные, просторечные, бранные, пренебрежительные, ласкательные, содержащие субъективно-оценочные аффиксы, и так далее. Ко второй – иноязычные заимствования, а также объединяемые в рабочем порядке под названием *когнитивных несоответствий* термины и понятия, заведомо не совместимые с объемом знаний и представлений создателя алыпныхмах. При этом создатель алыпныхмах условно отграничивался от хакасского этноса в его современном состоянии и определялся как родоплеменная общность, сосредоточенная в географических пределах Южной Сибири.

Примеры экспрессивной лексики в переводах алыпныхмах: *«Расправу учинить спеша, / Втолкнула в юрту малыша. / Срывая одежку с тела, / Витая плетка засвистела»* («Алтын Арыг»); *«Сели богатыри на коней еще под хмельком, / Поехали не спеша то гуськом, то рядком»* («Алтын Чус»). В целом же установлено, что текст «Албынжи» допускает один случай стилистически сниженной лексики в среднем через каждые 40 строк, «Хан-Тонис» – 33–34, «Алып Хан Мерген» – 12–13, «Алып Пиль Тараан» – 10–11, «Сарыг-Чанывар» – 9–10, «Алтын Чус» – 11–12, «Сказание о храбром Айдолае» – 8–9, «Богатырь Пиг Тараан» – 7–8, «Алтын Арыг» – 4–5.

Примеры франкоязычных заимствований: «Он въехал *галопом* (*gallop*) на перевал» («Албынжи»); «И *парадную* (*gallop*) одежду / Приготовить приказал» («Сказание о храбром Айдолае»); «*Девушка жест* (*geste*) тревожный сделала» («Алтын Арыг»); «Потом по команде (*commande*) начнете скачки» («Алтын Чус»); «Эй, *трубить* тревогу и – в *атаку* (*attaque*)» («Алып Хан Мирген»). Помимо этого обнаружены заимствования из языков: немецкого, греческого, латыни, персидского, голландского, польского, итальянского, арабского. По среднему количеству строк, содержащих одно иноязычное заимствование, исследуемые переводы составляют следующий ряд (в порядке убывания): «Хан-Тонис» – 1166–1167, «Албынжи» – 384–385, «Сарыг-Чанывар» – 358–359, «Алтын Чус» – 178–179, «Сказание о храбром Айдолае» – 135–136, «Алтын Арыг» – 128–129, «Алып Пиль Тараан» – 110–111, «Богатырь Пиг Тараан» – 93–94, «Алып Хан Мерген» – 63–64.

В группу когнитивных несоответствий включались слова, хотя бы одним своим значением соотносимые, судя по словарному толкованию, с любым (кроме первобытнообщинного) историческим периодом и/или любой (кроме хакасской) этно-территориальной общностью. Так, в исследуемых переводах нередки синонимы к слову «государство»: «*Проскакал три страны махом одним*» («Албынжи»); «*Тут вся земля его по праву – / Пускай возьмет свою державу*» («Алтын Арыг»). Встречается обозначение типа государства: «*Завоевала эта богатыриша девять царств*» («Алтын Чус»). Есть пример из лексики, образовавшейся в среде казачества: «И *пускал коня в намет / По степям, где пасся скот*» («Алып Пиль Тараан»). Неоднократны случаи лексики, обусловленной в русском языке мировоззренческой концепцией христианства: «*Прорвался в щели адский пламень*» («Алтын Арыг»); «*Это дьявол Алып Хара-хан / Пришел в наши края из дальних стран*» («Алтын Чус»). По среднему количеству строк, содержащих одно когнитивное несоответствие, исследуемые переводы составляют следующий ряд: «Хан-Тонис» – 388–389, «Албынжи» – 112, «Сарыг-Чанывар» – 69–70, «Алтын Чус» – 45–46, «Алтын Арыг» – 58–59, «Богатырь Пиг Тараан» – 28–29, «Алып Пиль Тараан» – 53, «Сказание о храбром Айдолае» – 46–47, «Алып Хан Мерген» – 31–32.

Как видим, «Албынжи» и «Хан-Тонис» заметно реже, чем другие, допускают лексико-стилистические явления, противоречащие жанру оригинала.

В заключении дается обобщение основных выводов. Автор повторяет, что «Албынжи» и «Хан-Тонис», то есть переводы, которые на фоне всей переводческой традиции алыпных-нымаха осуществлены в лучших когнитивных обстоятельствах, параллельно характеризуются повышенным уровнем и активностью функционирования. И эти же тексты, заметно реже, чем другие художественные переводы алыпных-нымаха, допускают лексико-стилистические явления, противоречащие жанру оригинала

в его научной интерпретации. Таким образом, предположение о том, что научный взгляд на оригинал со стороны принимающей культуры оказывает практическое влияние на исполнение и восприятие художественного перевода, в отношении переводческой традиции алыпных-ныхмах оказалось справедливым. В этой связи последующим переводчикам хакасских богатырских сказаний рекомендуется ограничивать использование стилистически сниженной лексики и иноязычных заимствований, а также проявляющихся лишь в контексте национально-исторической специфики оригинала когнитивных несоответствий. Однако выполнение этой рекомендации, учитывая возможность дальнейшей детализации научного описания алыпных-ныхмах, является необходимым, но не достаточным условием качества будущих переводов. В свою очередь, проблема качества уже осуществленных переводов обусловлена в основном тем, что с момента возникновения переводческой традиции хакасских сказаний своей практической активностью постоянно опережала формирование собственной теоретической базы. Тем не менее, ее общий результат заслуживает бесспорно положительной оценки. Во-первых, переводной алыпных-ныхмах обладает определенным познавательно-литературоведческим значением, обеспечивая читателю практическую возможность верного в целом представления об одной из разновидностей догосударственного героического эпоса, то есть культурно-исторического феномена, заведомо отсутствующего в русском вербальном искусстве. А во-вторых, характеризуется современным идеологическим смыслом – как художественная декларация морально-нравственного принципа, действующего в сфере современных международных отношений.

Основные идеи, определившие методологию исследования, его общие и промежуточные результаты отражены в следующих публикациях:

1. Ахпашева Н. М. Виды трансформаций образной системы переводимого произведения на примере русскоязычных вариантов хакасского сказания «Алып Пиль Таран» // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: материалы всероссийской научной конференции. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2002. – С. 262–267.
2. Ахпашева Н. М. Вхождение алыпных-ныхмах (хакасского богатырского сказания) в национальную литературу // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: материалы III всероссийской научной конференции. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2003. – С. 210–215.
3. Ахпашева Н. М. Когнитивные противоречия и несоответствия на примере художественного перевода хакасского эпоса // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологиче-

- ском аспектах: материалы II международной научной конференции. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2003. – С. 470–473.
4. Ахпашева Н. М. Проблемы определения жанра алыптых-нымаха (хакасского сказания о богатырях) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Серия 5. Филология: Языкознание. Вып. 5; Серия 6. Филология: Литературоведение. Вып. 2. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2003. – С. 162–164.
 5. Ахпашева Н. М. Учет функциональных особенностей ритма исходного произведения как основное условие интонационной адекватности художественного перевода (на примере русскоязычных вариантов алыптых-нымаха Михаила Кильчичакова «Алып Пиль Таран») // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2004. – Вып. 8. – С. 65–68.
 6. Ахпашева Н. М. Физическая форма текста как грамматический диктат социума // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: материалы IV Всероссийской научной конференции. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2004. – С. 258–263.
 7. Ахпашева Н. М. Логическая форма литературного произведения как авторский произвол, ограниченный структурой сознания // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Серия 6. Филология: Литературоведение. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2004. – Выпуск 3. – С. 10–13.
 8. Ахпашева Н. М. Зависимость критерия эквивалентности от условий функционирования художественного перевода (на примере художественных переводов хакасского эпоса) // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2005. – Вып. 9. – С. 141–144.
 9. Ахпашева Н. М. Функциональность текста как динамичный критерий качества художественного перевода // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия: научно-методический бюллетень. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2005. – Вып. 2. – С. 147–152.
 10. Ахпашева Н. М. Практика художественного перевода хакасского эпоса в контексте развития хакасской фольклористики // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы Международной научной конференции. –

Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2005. – С. 171–179.

11. Ахпашева Н. М. Формирование традиции художественного перевода хакасского эпоса // Перевод тюркских литератур Сибиря: материалы регионального научного семинара. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2005. – С. 27–36.
12. Ахпашева Н. М. О возможности прескриптивного анализа художественного перевода // Вестник Томского государственного университета. – Томск: Томский государственный университет, 2008. – № 311. – С. 7–9.
13. Ахпашева Н. М. Художественный перевод хакасских богатырских сказаний и былины: особенности хронотопа // Культура & общество [Электронный ресурс]: Интернет-журнал МГУКИ / Моск. гос. ун-т культуры и искусств. – Электрон. журн. – М.: МГУКИ, 2008. – № гос. регистрации 0420600016. – Режим доступа: <http://www/e-culture.ru/Articles/2008/Achpasheva.pdf>, свободный – Загл. с экрана.
14. Ахпашева Н. М. Художественный перевод произведений хакасской литературы // Энциклопедия Республики Хакасия: в 2 т. / Руководитель проекта Г. Ю. Семигин; председатель научно-редакционного совета В. А. Кузьмин. – Правительство Республики Хакасия: Поликор, 2008. – Т. 2. – С. 258.
15. Ахпашева Н. М. Национальный эпос и становление хакасской литературы // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2008. – Вып. 10. – С. 207–210.

Подписано в печать 27.02.2009. Формат 60х84 1/16. Гарнитура Times New Roman.
Печать – ризограф. Бумага офсетная.
Физ. печ. л. 1,125. Усл. печ. л. 1,04. Уч.-изд. л. 0,95. Тираж 100 экз. Заказ № 36.

Отпечатано в типографии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 94.

0-